

Бунин И. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Произведения 1887 — 1909 г.
/ Коммент. В. Титовой //Художественная литература, М., 1987
FB2: WZ (WW_ZZ), 12 December 2019, version 1.0
UUID: 67C9636A-99F5-4121-AB4A-3D8657588EBA
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

Жертва

Содержание

#1	0005
Комментарии	0012

Иван Алексеевич Бунин
ЖЕРТВА

Семен Новиков, живший с братом своим, су-хоруким Никоном, Петровками горел. Братья согласились поделиться, и Семен, выселяясь из Брода, рубил себе избу на большой дороге.

Под Ильин день плотники отпросились ко двору. Надо было ночевать на постройке Семену. Поужинав вместе с большой семьей брата, в тесноте, среди мух, он закурил трубку, накинул полушубок и сказал своим:

— У вас тут духота. Пойду на постройку, там ночую.

— Ты хоть собак-то возьми, — ответили ему.

— Вона! — сказал Семен и пошел один.

Ночь была месячная. За думами о будущем дворе Семен и не заметил, как поднялся из села по широкому прогону на гору и отмахал по большой дороге с версту — до своей запотолоченной, но еще не покрытой избы, стоявшей на опушке хлебов, в пустом поле, черневшей окнами без рам и тускло блестящей против месяца концами свежих бревен по углам, паклей, торчавшей из пазов, и щепой на пороге. Низкий июльский месяц, поднявшийся за

оврагами Брода, был мутен. Теплый свет его рассеивался. Спелые хлеба тускло, сумрачно белели впереди. А к северу было и совсем хмуро. Там заходила туча. Мягкий ветер, дувший со всех сторон, иногда усиливался, порывисто бежал по ржам и овсам — и они сухо, тревожно шелестели. Туча на севере казалась неподвижной, но часто подергивалась золотым быстрым блеском.

Семен, по привычке сгибаясь, вошел в избу. В ней было темно и душно. Желтый месячный свет, глядевший в пустоты окон, не мешался с темнотой, только увеличивал ее. Семен кинул полушубок на стружки посреди избы, как раз на одной из полос света, лег на спину. Пососав потухшую трубку и подумав еще маленько, заснул.

Но вот понесло в окна ветром, глухо заворчало вдали.

Семен очнулся. Ветер усилился — он бежал теперь по горячечно шумящим хлебам непрерывно, и свет месяца стал еще тусклей. Семен вышел из избы за угол, в сухо и знойно шуршавшие, бледные, как саван, овсы, посмотрел на тучу. Она, темно-аспидная, заняла полне-

ба. Ветер дул прямо в лицо, задирали, путал волосы и мешал смотреть. Мешали смотреть, слепили и молнии, загоравшиеся все жарче и грозней. Семен, крестясь, стал на колени: вдали, среди овсяного моря, выделяясь на стене тучи, двигалась на Семена небольшая толпа, с обнаженными головами, в белых подпоясках, в новых полушубках, — с трудом несла саженный запрестольный образ древнего письма. Толпа была туманная, призрачная, но образ виден хорошо — страшный, строгий лик, красневший на черной доске, опаленной свечами, закапанной воском, окованной старым, сизым серебром.

Ветер разобрал волосы на лбу Семена, приятно отдувая их, — и Семен, в страхе и радости, до земли поклонился образу. Когда же поднял голову, то увидел, что толпа стоит, неловко держа величаво откинутый образ, а на туче, как церковная картина, начертался и высится огромный зрак: белобрадый, могучий Илья в огненном одеянии, сидящий, как бог Саваоф, на мертвенно-синих клубках облаков, а над ним — две горящих по аспиду зелено-оранжевых радуги. И, блестя очами-мол-

ниями, голос свой сливая с гулом, с громами, сказал Илья:

— Держись прямой, Семен Новиков! Слушайте, князя-хрестьяне, вот я буду судить его, временнообязанного хрестьянина Елецкого уезда, Предтечевской волости, Семена Новикова.

И все поле, белевшее вокруг, все колосья его вместе с куколем понесли, побежали вперед, поклонясь Илье, и в шуме их сказал Илья:

— Я серчал на тебя, Семен Новиков, желал покарать тебя.

— За что, батюшка? — спросил Семен.

— Непристойно тебе, Семен Новиков, меня, Илью, спрашивать. Ты должен ответ держать.

— Ну, ин, будь по-твоему, — ответил Семен.

— Позалетошний год я убил молоньей Пантелея, старшого твоего: ты зачем закопал его в землю по пояс, колдовством воротил его жить?

— Прости, батюшка, — сказал Семен, кланяясь. — Жалко было малого. Рассуди: ведь

кормилец-поилец при старости.

— Летошний год я посекал, повалил твою рожь градом, вихрями: ты зачем прознал о том за́годя, запродавал эту рожь на корню?

— Прости, батюшка, — сказал Семен, кланяясь. — Сердце чуяло, нуждишка была.

— Ну, а нонче, в Петровки[1], не я ли спалил тебя? Ты зачем спешишь строиться, отделяешься?

— Прости, батюшка, — сказал Семен, кланяясь. — Сухорукий брат мой несчастливый: от него и все беды, думалось.

— Закрой глаза. Я подумаю, посоветуюсь, чем казнить тебя?

Семен закрыл глаза, склонил голову. Ветер шумел, — он старался сквозь шум его тайком поймать, о чем шепчется Илья с крестьянами. Но опять загремело над ним — ничего не стало слышно.

— Нет, не придумаем, — во весь голос сказал Илья. — Сам посоветуй мне.

— А глаза-то открыть? — спросил Семен.

— Не на́добе. Слепой тверже думает.

— Чуден ты, батюшка, — серьезно усмехнулся Семен. — Да и что ж тут придумывать?

Поставлю тебе свечку трехрублевую.

— Не из чего. На постройку потратился.

— Тогда в Киев схожу.

— Это только бездельничать, лапти трепать. На кого же хозяйство останется?

Семен задумался.

— Ну, девчонку, Анфиску, убей. Ей и всего-то второй годок. Девочка, сказать по совести, умильная, — жалко нам будет ее, да ведь что ж сделаешь? Все не с малым сменить.

— Прислушайте, православные, — громко сказал Илья. — Соглашаюся!

И такой огонь разорвал всю высь, что у Семена чуть веки не вспыхнули, и такой удар расколол небеса, что вся земля под ним дрогнула.

— Свят, свят, свят, господь бог Саваоф[2]! — прошептал Семен.

Очнувшись, открыл глаза, он увидел лишь пыльную тучу, хлебá и себя самого, на коленях стоящего в них. Пыль вихрем неслась по дороге, и месяц совсем замутился.

Семен вскочил на ноги. Позабыв о полушубке, он поспешно пошел к себе. Крупный дождь захватил его на выгоне. Темные облака

надвинулись над стемневшими оврагами. Красный месяц закатывался. Село спало крепким сном, но скотина по дворам беспокоилась, петухи орали. И, подбегая к своей старой избе, Семен услышал в ней вопли. У порога стоял сухорукий Никон, в полушубке и без шапки, тощий и морщинистый, глядел тупо и растерянно.

— Беда у тебя, — сказал он, и по голосу его было слышно, что он еще не совсем проснулся.

Семен вбежал в избу. Бабы с криком метались в темноте, ища серников. Семен выхватил из-за образа коробочек, зажег каганец: люлька, повешенная возле печи, носилась из стороны в сторону, — бабы, задевали ее, бегая, — а в люльке лежала вся сизая, мертвая девочка, и на головке ее чепчик тлел.

Жил Семен с тех пор счастливо.

Капри. 1913

Комментарии

Журнал «Современный мир», СПб, 1913, №3 под заглавием «Илья Пророк». В рукописи (машинопись с правкой автора) дата: «17/30 янв. 1913 г. Капри».

В. Н. Муромцева-Бунина пишет в дневнике 9 июня 1923 г. о возникновении замысла рассказа: «Ян <...> говорил о своем творчестве, как созидался у него „Илья Пророк“. Ехал в Елец и увидел — на большой дороге изба строится и стружки блестят на лунном свете».

В рассказе отразились другие печальные впечатления Бунина. В дневнике он записал 17 июня 1912 г.: «Вечером были на выезде из Глотова, в крохотной избушке, где молнией убило малого лет пятнадцати и девочке-ребенку голову опалило».

Сюжет рассказа отчасти основан на народной сказке «Илья Пророк и Миколай Угодник», записанной Д. Н. Садовниковым со слов крестьянина Ставропольского уезда Самарской губернии Абрама Новосельцева.

Примечания

1

Пост перед Петровым днем 29 июня ст. ст.

[^^^]

2

Одно из ветхозаветных именовании бога, бог сил.

[^^^]